

Сивар аль-Асад

Не щадя сердца

триллер

следствие,
которое никогда не состоится

Сивар аль-Асад Не щадя сердца

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33573046

Сивар аль-Асад Не щадя сердца:
ISBN 978-5-905117-10-7

Аннотация

Герой романа Пол Оллесон, которому в отрочестве была проведена операция по пересадке сердца, счастлив, что выжил. С юных лет он мечтает посвятить жизнь служению людям. Он делает блестящую карьеру и становится важным чиновником ООН, женится на Элизабет, преуспевающем американском адвокате. Жена Пола недовольна тем, что тот часто отсутствует, целиком погружившись в работу. Скоро и сам Пол убеждается в том, что их союз непрочен. Мыслями и чувствами он постоянно возвращается к своей первой любви, девушке Карле, о судьбе которой он ничего не знает. Это завязка триллера: утрата собственного сердца – утраченная любовь. Пол пытается узнать, что на самом деле произошло в клинике, где ему была сделана трансплантация. Почему родители Карлы погибли в море при взрыве судна?

Действие развивается стремительно, напряжение возрастает и не отпускает читателя до последней строки романа. Расследование превращает Пола в детектива. Он пытается

нащупать нити, связывающие события прошлого и настоящего, чтобы раскрыть страшную тайну.

Дебют молодого автора – поистине рука мастера.

На этой книге история Пола Оллесона не заканчивается. Автор работает над продолжением.

Содержание

Благородное чувство	6
1	11
2	26
3	39
4	56
5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сивар аль-Асад

Не щадя сердца

© Сивар аль-Асад

© ООО «БОС»

© Шутова Т. А., перевод с французского на русский язык

* * *

Благородное чувство о книге Сивара аль- Асада «Не щадя сердца»

В 2012 году в Париже издательством *Encre d'Orient* был выпущен триллер «Не щадя сердца» (*A cœur perdu*). Книгу очень тепло встретило французское общество. И вот теперь она пришла к российскому читателю.

В этой книге есть всё. Она настолько универсальна, что почти любой найдёт в ней близкую только ему тему и сюжетную линию. Тут есть трогательная история настоящей любви, которую главный герой сохранил с юношеских лет. Трагедия гибели и удивительное воскрешение этой любви. История крушения семейных отношений и философское осмысление его причин. Увлекательная детективная история. Борьба добра со злом.

В этой истории много чувств. Тонких и благородных. Автору очень удачно удаётся пробудить эмоции среди разных групп читателей. Что важно, эмоции самой высокой пробы. Эмоции чистые и светлые. Но самое главное – в этой книге есть то, чего обычно в подобных книгах не встречается.

Как правило, произведения такого жанра не предусматривают подтекста и философского смысла. Всё-таки жанр в большей мере развлекательный. Однако автор этот порядок

нарушил. Нарушил очень к месту и умело. Изящно, не грубо, с дворянским благородством западному миру брошена перчатка словами одного из героев: «Весь ваш жизненный комфорт западного человека оплачен бедным населением целого мира, все – от вашего костюма до машины, до самой крошечной частички металла вашего мобильного...» Virtuозным приёмом, вложив в уста отрицательного героя слова: «Не все жизни имеют одинаковую цену. ...мои клиенты стоят дороже, чем нищий с мадрасской улицы или крестьянин, который всю жизнь ковыряется в земле...» – автор не только оценкой главного героя, но и всем сюжетом отрицает даже само право на подобную мысль.

Автор не оставляет возможности сомневаться в реальности существования такого взгляда. Не говоря ни слова, он сумел вызвать чувство тревоги всего несколькими штрихами, очертив среду, в которой гнездятся подобные взгляды. Среду, от которой зависит принятие многих решений. Сивар аль-Асад учился в Европе, в основном в Швейцарии и Великобритании. Изучал право в Сорбонне. Живет в Париже и Лондоне. И в своём произведении описывает среду, с которой хорошо знаком. Может быть, поэтому диалоги выглядят очень естественными.

Удивительно, но автору удалось передать словом даже взгляды и мимику. Книга возвращает потерявшему в меняющемся с бешеной скоростью мире читателю вечные ориентиры: «Сердце, которое бьется, есть некое чудо, и иногда

нужно время, чтобы осознать это и насладиться каждым его ударом...» И устами главного героя трогательно просто формулирует свой взгляд на смысл жизни: «Да просто использовать тот шанс, который мне был дан, жить дальше, чтобы бороться во имя жизни других, чтобы сделать мир лучше и справедливей. Скорей всего, у меня получится немного. Но я обязан делать это...»

В произведении много тонкого, чувственного и благородного.

Чего в этой книге нет? В ней нет злобы, ненависти и жестокости. Нет описаний жестокости справедливого возмездия. Да и сами отрицательные герои в какой-то мере даже симпатичны. В ней нет пошлости, сальных сцен, липкого третьесортного юмора. Нет ничего из того, чем ловит своих читателей ориентированная на прибыль низкопробная коммерческая литература. Это произведение для другого читателя. Образованного и способного мыслить.

И ещё. Российскому читателю предложен прекрасный перевод. Таланта переводчика мы часто не замечаем. Для читателя он вторичен. Но именно от него, в конечном счёте, зависит, как будет принято произведение в другой стране, в другой языковой среде. Автору и здесь сопутствовала удача. Книга читается легко. И, как мне кажется, в переводе удалось передать ту тонкую эмоциональную составляющую, которая особенно важна в этом произведении и, на мой взгляд, российскому читателю будет особенно ценна.

Сивар аль-Асад родился в Сирии и жил там до девятилетнего возраста. Учился, живёт и работает в Европе. По-видимому, отсюда и европейская аккуратность, и стиль изложения, и восточная тонкость чувств, близкая русскому человеку.

Надеюсь, эту книгу наш читатель встретит так же тепло, как и французский.

Секретарь правления Союза писателей России, главный редактор журнал «Новая книга России»

Сергей Иванович Котьяло

«Сердце, которое бьется, есть некое чудо, и иногда нужно время, чтобы осознать это и насладиться каждым его ударом. Настоящая любовь выводит нас на дорогу счастья...

Потеря близкого или расставание с любимой может разбить даже закаленное сердце, и я сочувствую каждому человеку в мире, страдающему от утраты дорогого существа. Но какими бы ни были обстоятельства, убежден, что это не должно никоим образом толкать нас к ненависти или любой иной форме

экстремизма».

[Сивар аль-Асад]

1

С тех пор как накануне Пол выехал из аэропорта Орли, его не покидало чувство, что он мало-помалу возвращается в свою подлинную, реальную жизнь. Знакомые пейзажи Франции всегда давали ему ощущение умиротворения, погружая в сладостные воспоминания детства. Частые командировки бросали его из одного конца планеты в другой, туда, где ему приходилось сталкиваться с нищетой и обездоленностью людей, оказавшихся на обочине жизни, и тогда краткие заезды во Францию становились для него живительным бальзамом, что помогало продолжать жизнь внешне успешную, но становящуюся для него все более невыносимой.

Вот уже пять лет он работал штатным юристом в Комиссии по правам человека ООН, и эта деятельность как нельзя более соответствовала его устремлениям: отдать свои силы и знания служению высокой гуманитарной цели. Однако в последние несколько лет контраст между обстановкой в ООН, ее ценностями, пониманием того, что на самом деле происходит в мире, и циничными компромиссами и обстоятельствами его нью-йоркской жизни стал все больше тяготить его. До брака с Элизабет ему удавалось избегать общения с той легковесной и бездушной средой, которую он покинул по окончании обучения юриспруденции. Его учеба в Йельском университете, а затем стажировки в престижных

адвокатских конторах, прочили ему успешную карьеру адвоката по имущественному праву. Перед ним открывалось блестящее будущее, и его бывшие однокурсники были изумлены, когда Пол представил свою кандидатуру на должность юриста в ООН. Одни отвернулись от него. Другие продолжили ценить в нем цельность натуры и искренность намерений, чем он отличался во всем, в том числе и дружбе, и не упускали случая пригласить его на приемы и празднества, которые устраивали. Чаще всего Пол отклонял такие приглашения. В своей повседневной работе в ООН ему приходилось сталкиваться с тяжелыми, а подчас и неразрешимыми проблемами существования самых обездоленных групп людей, и ему трудно было субботными вечерами облачаться в личину преуспевающего юриста и разглагольствовать о ценах на недвижимость в Хэмптоне или Верхнем Ист-Сайде. Пол предпочитал проводить свободное время в приятельских беседах с людьми, с которыми встречался, обойдя букинистов Гринвич-Виллиджа, в квартале, где он поселился по окончании университета. И этот храм вольнодумства, куда стекались интеллектуалы со всего Нью-Йорка, был намного ближе его идеалам, нежели престижные кварталы, о которых мечтали его бывшие однокашники и где со временем надеялись обустроиться.

Но его встреча с Элизабет все перевернула. Он позволил завлечь себя в брак, который никак не соответствовал его устремлениям, а, напротив, возвращал в тот холодный дело-

вой мир Манхэттена, который он покинул, поступив на службу в ООН. Элизабет тут же включила его в светскую жизнь, а Пол подчинился, чтобы ей угодить. Сначала он делал это добровольно, однако вскоре эта добрая воля исчерпала себя, и в последние месяцы он стал избегать и дом, и нью-йоркскую жизнь, соглашаясь на все заграничные командировки, которые ему предлагали. Тогда в их отношениях появилось взаимное непонимание, и оба они стали планомерно готовиться к тому, чтобы разорвать союз. Этим-то Пол и воспользовался, отправившись во Францию, куда некогда, досрочно выйдя на пенсию, переехал его отец с семьей и где Пол провел часть своего детства.

В то утро, направляясь из Бо-де-Прованс в сторону маленькой деревушки Кальян, расположенной в горах недалеко от Канн, Пол старался выбирать проселочные дороги Прованса, избегая крупных автострад. Еще в аэропорту он купил компакт-диск с записями Пэта Метэни, ставил его повтор и слушал как фон, катясь по однообразной равнине парижского региона. А вот в это утро джазовые пассажи гитариста как-то по-особому гармонично сочетались со средиземноморскими пейзажами по обеим сторонам дороги, бескрайними оливковыми рощами, окаймлявшими своим голубоватым серебром иссохшую землю. Звуки были и меланхоличны, и нежны, как те места, по которым ехал Пол, и ему казалось, что некая невидимая рука печально и нежно сжимает его сердце. Если в Нью-Йорке Пол предпочитал по де-

лам ездить только на такси, то тут, в своем побеге на юг, он вдруг почувствовал непреодолимое желание вести машину самому. И вот теперь за рулем кабриолета BMW он будто летел на крыльях, волосы развевались на ветру, и он мог обдумать все, что произошло, ухватившись за нить жизни, выскользнувшую у него из рук за три года жизни с женщиной, которая совершила с ним своего рода сделку купли-продажи. В памяти снова всплыл разговор, который состоялся у него с Элизабет.

Накануне Пол заночевал в отеле «Усто-де-Боманьер» в местечке Бо-де-Прованс, чтобы освежить воспоминания о своем свадебном путешествии. Три года назад он хотел показать свою Францию Элизабет, знавшей только Париж и Лазурный берег, что, впрочем, было уже подвигом для американки. Он увез ее в Прованс, где выбирал только самые фешенебельные отели и рестораны, но не самые известные и посещаемые. Это были очаровательные сельские жилища, превращенные усилиями модных дизайнеров и звездных шеф-поваров в гавань красоты, изысканного вкуса и высокой гастрономии.

Пол загодя забронировал один из лучших гостиничных номеров категории «сыют», именно тот, в спальне которого рядом с постелью, сияющей белизной, растет живое дерево. Элизабет была покорена обаянием этого места, и тут, в покое и звенящей тишине уединения, в самом сердце бывшей сельской усадьбы, ей вдруг открылись те стороны лич-

ности Пола, о которых ранее она не подозревала. Тут, где все для него было привычным, проявилась его европейская сущность, где смешались две крови – шведская по отцу, от которого он унаследовал светлые волосы, высокий рост и обезоруживающую улыбку, и португальская по матери, передавшей ему матовый оттенок кожи, карие глаза и большую любовь к солнцу. Его детство, частично проведенное на юге Франции, больше, нежели родители, сформировало его культурные предпочтения. Вернувшись в Боманьер и поселившись в комнатах, которые три года назад делили молодожены, Пол понял, что с самого начала потакал представлению Элизабет о том, что их дальнейшая жизнь будет так похожа на это самое место, о котором можно было сказать словами Бодлера: «там сладострастье, роскошь и покой». Для самого же Пола тогдашнее французское приключение было всего лишь милым эпизодом, вынесенным за скобки потока жизни, подарком самому себе, чтобы подыграть своему желанию блеснуть в роскошной оправе, и именно это послужило созданию ложного представления о том, каким будет образ их дальнейшей жизни.

На рассвете Элизабет разбудила его телефонным звонком, чтобы высказать свои упреки и беспокойство. Как обычно, ей не было дела до разницы во времени с тем местом, где находился Пол. Нью-Йорк и она сама представлялись ей центром вселенной, к которому должен был приноравливаться весь остальной мир. Несмотря на всю свою воспитанность,

Элизабет так и не смогла усвоить то, что существуют часовые пояса, и своим несвоевременным звонком она может разбудить Пола. На этот раз он забыл отключить мобильник, как делал обычно, когда хотел выспаться. Он обещал Элизабет перезвонить позже и, быстро облачившись в спортивный костюм, отправился на навесную террасу, откуда можно было увидеть первые лучи солнца, встающего над отрогами альпийских гор.

Такая нетерпеливость Элизабет указывала на ее эмоциональную неустойчивость, которая удивительно контрастировала с ее жесткостью в деловой сфере и безупречной физической формой. В свои тридцать лет она обладала всем, о чем могла мечтать молодая женщина. Ее профессиональные успехи были бесспорны. Завершив полный курс обучения юриспруденции, она поступила на работу в престижную адвокатскую контору, специализирующуюся на работе с инновационными компаниями. Она быстро продвинулась по служебной лестнице и благодаря упорному труду и глубокой компетентности менее чем за шесть лет стала одним из самых высокооплачиваемых компаньонов фирмы. За годы напряженного труда ее частная жизнь ограничивалась лишь несколькими часами в неделю занятий спортом для поддержания физической формы. Ее грудь не нуждалась в услугах пластических хирургов, столь модных в Нью-Йорке, лишь на ее лице с правильными классическими чертами в уголках глаз стали появляться мелкие морщинки, что только прибав-

ляло ей шарма и не оставляло Пола равнодушным.

Прежде чем набрать ее номер, Пол вспомнил подробности их знакомства. После первой встречи на одной из конференций в Нью-Йорке Элизабет устроила на него настоящую охоту, применив в личных целях методы расследования, используемые в адвокатских конторах, справляясь о местах, которые посещал Пол, наводя справки о его привычках и вкусах. После нескольких якобы случайных, но подстроенных встреч Пол понял, что за игру она ведет. Но ему приятно было чувствовать себя дичью, на которую ведется облава. Он решил, что это оригинально и необычно, и сам принялся ухаживать за соблазнительным и столь настойчивым адвокатом.

Поначалу у Элизабет хватало ума не слишком преследовать свою добычу, пытаясь выманить ее со своей территории, и она сделала вид, что интересуется миром Пола. Она даже дошла до того, что стала сопровождать его в ежедневных пробежках вдоль реки Гудзон, но часто сходила с дистанции на полпути, отправляясь в какое-нибудь кафе Риверсайд-парка, где дожидалась его с романом в руках. И если при этом она не проявляла никаких признаков неудовольствия, то его регулярные шахматные партии на бетонных столах в Вашингтон-сквере раздражали ее безмерно. Она не могла понять радость, которую он испытывал, постоянно общаясь с незнакомцами там, где собирался, по ее мнению, всякий сброд. Пол отдавал должное тому, что свою игру

она вела безупречно, даже когда он приглашал ее поужинать в кафе-кебаб, чтобы подразнить и проверить способности адаптации к непривычной обстановке человека, выросшего в благополучной вашингтонской семье. Элизабет, безупречно владеющая приемами самоконтроля, тщательно скрывала свое нетерпение и, в конце концов, ей удалось внушить Полу, что они настроены на одну волну.

С самого начала их знакомства Элизабет поняла, что за Полом большое будущее. Она была покорена его привлекательной внешностью, чем он, кстати, никогда не пользовался, чтобы понравиться женщинам, но более всего она ценила в нем редкую способность преодолевать жизненные испытания, не поступаясь своими убеждениями и оставаясь самим собой. Пол представлял в ее глазах идеал надежности, в котором нуждается любая, даже самая простая нью-йоркская девчонка, чтобы быть уверенной в себе и своей будущей семейной жизни. Через полгода с решимостью дуэлянта, привыкшего парировать аргументы обвинения в зале суда, она сумела убедить Пола, что они созданы друг для друга, после чего они поженились.

Лучи восходящего солнца коснулись верхушек сосен. Тотчас же первые цикады начали концерт, который в полуденный зной должен был стать оглушительным. Когда на смену им пришли птицы, выхватив первенство, стрекотанье цикад стало тихим и нежным, как звуки скрипок на сцене древнего театра. Пол глубоко вздохнул, прежде чем позво-

нить Элизабет. Он терпеть не мог те долгие разговоры по телефону, после которых оба они были изнурены и раздражены. Не лучше ли было поговорить искренне и прямо? Но как быть искренним, чтобы не ранить друг друга?

– Элизабет? Ты что, еще не спишь?

– Ты не давал о себе вестей с тех пор, как во Франции.

– Мы ведь решили созвониться через несколько дней.

– Знаю, но это было глупо. Мы же всегда созваниваемся, когда кто-то из нас летит на самолете. Ты знаешь, что я всегда беспокоюсь.

– Ладно. Но не думаю, что в новостях сообщали об авиакатастрофе, так что ты вполне могла бы пойти спать.

Элизабет замолчала на некоторое мгновение. Пол понял, что не стоило так говорить с ней, не стоило начинать разговор в таком тоне.

– Сожалею, ты права, мне следовало бы позвонить тебе.

– Я помню, что мы собирались созвониться через несколько дней, но сразу же после твоего отъезда я многое продумала и вот теперь хотела бы сказать, к каким пришла выводам.

– Твоя оперативность известна, но не думаю, что следует обсуждать наши отношения в стиле деловых переговоров, так не пойдет, Элизабет.

– Как раз наоборот, следует играть в открытую. И делать так перед тем, как заключить брак.

– Странно слышать это от тебя. Я полагал, что ты хорошо все продумала, когда уверяла меня, что оба мы совершаем

выгодную сделку.

Пол был заинтригован тем оборотом, который принимал разговор. Элизабет говорила таким тоном, каким иногда беседовала на профессиональные темы с деловым партнером, но при этом в ее словах сквозила некоторая обеспокоенность. Она не полностью контролировала себя, и явно чувствовалось, что это ей не нравится. И Пол тут же убедился в том, что она действительно избрала стратегию переговоров.

– Так вот, мне казалось, – продолжила она, – что я все продумала, но не очень четко сформулировала свои требования.

– И вот теперь собираешься сделать это.

– Прежде всего, мне хотелось бы сказать, до какой степени ты изменил всю мою жизнь.

– Что ж, сожалею об этом.

– Да нет же, ты не понял. Я хочу сказать, что ты так... отличался от всех, кого я знала, ты такой простой и свободный по отношению к принятым нормам. Это беспокоит меня, ты это знаешь, но мне это нравится, заставляет меня развиваться.

– А мне часто кажется, что ты этого стыдишься.

– Ну, я не такая смелая, как ты. Мне необходим мир, в котором я родилась, это мой мир, в нем я работаю, знаю правила игры.

– Но когда люди заключают брак, разве это не повод создать свой собственный мир?

– Согласна. И я восхищаюсь тем, что ты делаешь в ООН, твоя преданность гуманитарным целям, это просто невероятно. Это так не похоже на то, что делают мои друзья, мои сослуживцы, которые совершенно не интересуются тем, как живут другие люди.

– В чем же тогда проблема?

– Ты знаешь, Пол. Мне хотелось бы иметь семью, где отец моих детей всегда был бы рядом. Но ты вечно куда-то уезжаешь. А когда возвращаешься, единственное, что тебе нравится, так это твои вечные шахматные партии в Гринвиче.

– Многие люди имеют семьи и при этом постоянно находятся в разъездах. Мои родители годами так жили.

– Твои родители жили замкнуто. А я так не могу. Кроме того, у меня своя работа, я борюсь за собственность, и это только начинает приносить свои плоды.

– Знаю. Ты имеешь в виду квартиру на Пятой авеню, которую собираешься купить.

Пол услышал в трубке, как у Элизабет перехватило дыхание. Он затронул запретную тему. Она завелась с полуоборота, как хорошо отлаженная машина. Разговор грозил утратить теплоту и сердечность, скатившись в вязкое топкое болото, если бы Пол вовремя не остановился. По всей видимости, Элизабет уже не могла сдержаться, настолько она была взволнована.

– Да как ты смеешь говорить о квартире, от которой я отказалась несколько месяцев назад, ты, кто никак не согла-

шается съехать со своей двухкомнатной в Гринвиче. Там у нас ничего не получится, туда даже пригласить кого-нибудь нельзя, не то что детей завести.

– Мне очень жаль...

– Ты уже третий раз говоришь, что тебе жаль, – ледяным тоном отрезала Элизабет.

– Но я и вправду сожалею обо всех неловкостях и неудобствах, которые причиняю. Но есть то, от чего я не могу отказаться, и то, что не могу тебе предложить.

Элизабет молчала. Наступил решающий момент в их отношениях.

– Я выбрал дело жизни, которое не принесет мне ни славы, ни личного обогащения, но оно дает мне много большее. И я не собираюсь возвращаться к карьере адвоката по недвижимости, чем занимаются твои друзья. Я никогда не куплю себе дом в Хэмптоне, никогда не буду по уик-эндам гонять на гидроцикле по волнам. Зато я могу предложить тебе и нашим детям жизнь, полную открытий и смысла. Жизнь, в которой есть место заботе о других.

Элизабет снова замолчала. Пол почувствовал, что готов положить конец их неудавшемуся браку.

– Я думал, что именно это ты и ценишь во мне. Мне нравилась решимость, с которой ты выбрала человека столь непохожего на твое окружение. Ты так гордилась мной перед своими подругами.

– Так оно и есть, я по-прежнему горжусь тем, что рядом

с тобой. Но я думала, что ты будешь более гибким в своих принципах. Ты ведь тоже не очень-то старался понять меня.

Пол знал, что он тоже во многом неправ. Он вступил в этот брак, почти ничего не изменив в своих холостяцких привычках, вплоть до того, что не поменял квартиру, в которой жил. Какое-то время он соглашался участвовать в общественной и светской жизни Элизабет, но мало-помалу, не вникая в суть проблемы, он становился все более безразличным и, в конце концов, вернулся к своей отшельнической жизни. В глубине души он понимал, что, несмотря на чувства, которые продолжал испытывать к жене, их брак был союзом карпа и кролика, как называли его некоторые из их общих друзей. У Элизабет были все причины для недовольства, ибо он не оправдал ее ожиданий. А он не знал, что с этим делать.

– Есть то, что само собой подразумевается, когда люди вступают в брак, – продолжила Элизабет.

– Что, например?

– То, что каждая женщина хочет иметь детей, что надо как-то подготовиться к этому, что-то обустроить, чем-то и пожертвовать.

– Не думаю, что ты готова чем-то поступиться. Ведь не собираешься же ты оставить работу? Или тогда мне бросить свою, чтобы постоянно быть в Нью-Йорке? Мы так не договаривались, когда женились.

Элизабет снова взорвалась.

– Ну почему ты все доводишь до абсурда? Все не так просто решается.

– К сожалению, это так. Ты ведь не можешь отказаться от своего образа жизни, а я не могу поступиться своим служебным долгом. Как с этим быть?

Пол встал и направился с террасы в свой номер. По коридорам уже снова гостиничный персонал, и ему не хотелось, чтобы слышали его разговор на повышенных тонах.

Последние несколько минут Пол так погрузился в свои мысли, что вел машину, не обращая внимания ни на что вокруг. Автомобили, шедшие впереди, вдруг внезапно замедлили ход. Пол резко затормозил. Он пришел в себя и снова сосредоточился на дороге. Живописные пейзажи Прованса возвращали его в реальность, музыка заглушала шум мотора, создавая романтическую атмосферу побега. Но теперь виртуозные пассажи Пэта Метэни скорее усилили его недовольство. В то утро дело кончилось тем, что Элизабет бросила трубку. Как это часто теперь бывало, тон разговора становился все более раздраженным, и доходило до того, что казалось, будто слова – это удары ножа, который врезается в живую плоть близкого человека. После такого у обоих оставалось ощущение опустошения, а часто и стыда за то, что позволил завлечь себя в гадкий спектакль, который столь часто разыгрывают миллионы супружеских пар. Но хуже всего было то, что Пол испытывал чувство вины перед Элизабет, потому что он никогда не был с ней до конца честен. Ему

казалось, что он влюблен, но это было иллюзорное чувство, приглушенное эхо той, другой истории, в которой Пол никогда не признавался Элизабет. Именно это было причиной того, что они все больше и больше отдалялись друг от друга. Пола осаждали воспоминания о юношеской любви, равной которой у него до сих пор не было. Он сознавал, чем закончится история теперешняя, речь шла лишь о том, кто первым осмелится сказать решающее слово. Готов ли он был бросить Элизабет в одиночество большого города? Была ли мысль об этом причиной того, что он сохранял еще некоторые иллюзии? Надолго ли?

2

Пол привычно вел машину по знакомой извилистой дороге. Своих родителей, живших недалеко от Канн, он навещал не чаще одного-двух раз в год. Но тут, на этой дороге, он помнил каждый поворот, изогнутые ветви сосен, растущих по обочинам, розовые олеандры вокруг вилл. Время от времени в просветах между рошицами каменного дуба открывался вид на бухту, и он трепетал, чувствуя непреодолимое желание броситься в волны, как тогда, в детстве, когда он с родителями отправлялся на машине к морю.

На пассажирском сидении зазвонил мобильник. На экране высветилось имя, звонил Роберто д'Онофрио. Пол припарковался на обочине, вышел из машины, разминая ноги, затекшие после долгой дороги, и перезвонил Роберто.

– Привет, Пол! Элизабет сказала мне, что ты несколько дней будешь на юге Франции. Я тебя не отвлекаю?

– Говори, я только что поставил машину, так что можем поговорить спокойно. Как поживаешь?

А я думал, что этим летом ты летишь в Мехико, на конференцию.

– Буду там дней через десять, раньше я им не нужен. А пока забил другие стрелки прежде, чем забивать себе голову ерундой три дня подряд.

Пол рассмеялся. Роберто д'Онофрио любил кратко и красочно сказать о том, что делает и собирается сделать. Он действительно считал, что сборище, в котором должен был участвовать, было для него пустой тратой времени. Роберто был одним из немногих среди коллег Пола по ООН, с кем он смог подружиться. Они познакомились во время кампании по сбору средств на финансирование одного из проектов ООН, который проводился совместно с одной гуманитарной организацией. Тогда Пол был просто потрясен тем умением, с каким Роберто соединял приятное с полезным. Вращаясь в кругу самых богатых и влиятельных людей мира, ему удавалось вытянуть из них пожертвования. Роберто часто просил Пола сопровождать его на различные празднества и мероприятия, ведь Пол был очень хорош собой, что неизменно привлекало к нему внимание женщин, а Роберто искусно пользовался этим, чтобы выманить из тех средства. И несмотря на то, что внешне Роберто казался легкомысленным повесой, он был беззаветно предан делу, за которое боролся, и именно это ценил в нем Пол, соглашаясь на роль приманки в тех спектаклях, в которые его часто привлекал Роберто.

– А ты что делаешь на Лазурном берегу? Что, у тебя на примете еще несколько нуворишей, с которых ты хочешь стясти денежки? Я бы удивился, если б ты сказал, что взял несколько дней отпуска.

А я постоянно в отпуске, ты же знаешь. Вот на прошлой

неделе меня пригласили в Монако, так что мне не на что жаловаться. Но мне нужны несколько сот тысяч долларов для одной НКО, которая работает с нами по продовольственной программе для Азии. И вот только что мне пришла в голову одна идея.

– Представляю себе, что-то вроде приема в шикарном палатце сотен на пять просеянных сквозь сито персон.

– Именно! Так что тебе придется скоро попахать на меня, а мне не нужно объяснять тебе что и как делать.

Пол обожал такие словесные перепалки с ним. Без всяких вокруг да около, сразу же ближе к делу.

– А я-то подумал, что ты звонишь мне, чтобы пригласить на шоппинг по Круазетт.

– Ты нужен мне сегодня вечером. Дело привычное, а мы люди опытные. У меня на примете пара-тройка тетек, жутких скупердяек, которых мне хотелось бы выпотрошить.

Когда Роберто так говорил, он легко мог сойти за мошенника, если бы Пол не был убежден в его абсолютной честности. Родом из богатой итальянской семьи, Роберто был вне всяких подозрений в том, что касается финансовых вопросов. Напротив, досконально зная подноготную, подчас мало достойную, того, как иногда делаются большие состояния, он решил посвятить свою жизнь тому, чтобы исправить хоть немного то, что он считал несправедливостью в распределении материальных благ.

– Честно говоря, не знаю, смогу ли в теперешнем своем

состоянии подыграть тебе. Я тут ненадолго, навещаю родителей. Кстати, ты в курсе, почему я поехал во Францию?

Да, Элизабет мне сказала. Но ведь это не мешает тебе помочь другу. Не собираешься же ты сутки напролет думать о своих семейных проблемах. Положение не такое уж драматичное. Знаешь, мне все больше кажется, что мы, на Западе, придаем слишком большое значение сердечным делам, в то время как кому-то бомбы на голову сыплются, а кто-тодохнет с голоду.

Пол снова не смог удержаться от смеха. Роберто не очень-то церемонился, говоря со своим лучшим другом, но уговорить его окончательно так и не удавалось.

– Послушай, давай я поживу немного у родителей, а потом посмотрим. Не могу же я завалиться к ним и тут же слинять.

– Давай так. В десять ты укладываешь мамочку и папочку в постельку, а к одиннадцати подваливаешь ко мне, в отель «Кап». Как раз успеешь.

– Созвонимся вечером, тогда и решим.

– Мы на войне, Пол! Не прозевай, как ты часто сам говоришь. Сейфы нужно вскрыть сегодня же вечером! Нынешнюю операцию я специально под тебя задумал. А ты мне потом подскажешь, на что пустим денежки.

У Пола всегда поднималось настроение, когда он разговаривал с Роберто. С ним все казалось легким и веселым, даже борьба с нищетой, которую его друг справедливо сравнивал с настоящей позиционной войной и которую они бы-

ли вынуждены вести постоянно против сильных мира сего, нещадно эксплуатирующих планету и ее жителей.

– Ладно, Роберто, до скорого, пора ехать.

– *Ариведерчи, амиго дель куарэ!*

Некогда родители Пола приобрели недалеко от Канн бастид, провансальский сельский дом XVIII века, где проводили летний отпуск. Окончательно они обосновались там всего несколько лет назад. Бастид располагался в глубине парка из вековых деревьев, раскинувшегося на пяти гектарах. Это было длинное светлое здание со ставнями нежно-сиреневого цвета, по бокам от которого были возведены более поздние постройки, а в центре фонтан, завершающий ансамбль звонким музыкальным аккордом. Вдоль дороги, ведущей к дому, кружевные кроны оливковых деревьев перемежались с лакированной листвой зизифусов и огромных тенистых смоковниц. В детстве Пол любил укрываться под их ласковой сенью, где он, единственный ребенок в семье, создал в своем воображении целый мир приключений. Он взбирался на крутые голые скалы на южной оконечности своих владений, там водружал флаг либо покорителя гималайских вершин, либо рыцаря, взявшего приступом крепость. Иногда он целыми днями охотился на цикад, и тут было важно набраться терпения и долго ждать, чтобы подобраться незаметно и поймать этих верещащих насекомых, умолкающих при каждом неосторожном движении назойливого пришельца.

А еще был отец, который во время отпуска всецело при-

надлежал ему. Отец, человек, казавшийся ему таким суровым с его важными ответственными делами, летом становился товарищем по играм, чего так недоставало ребенку. Пэр Оллесон возглавлял юридический отдел Международного суда, и это был важный пост в разрешении межгосударственных споров в вопросах международного права. Выходец из шведской семьи потомственных юристов, этот элегантный и доброжелательный человек был пропитан духом высоких моральных принципов в юриспруденции, и он старался приверженность к этим ценностям передать сыну, воспитывая его на рассказах о приключениях и биографиях великих людей, образом и духом которых он сам вдохновлялся. На отдыхе Пэр целиком посвящал себя сыну, увлекая его в открытия исторических или культурных памятников древнего Прованса или барахтаясь с ним в маленьких средиземноморских заливчиках. Рядом с Пэром Пол чувствовал себя сильным, забывая о том, что он был болезненным ребенком, находящимся под постоянной материнской опекой. Отправляясь в приключения с немолодым, но подтянутым спортивного вида человеком с безупречной репутацией, он становился таким же мальчиком, как другие.

Приближаясь к дому, Пол постарался примерить приуроченную к случаю улыбку. Его приводила в ужас одна лишь мысль, что он увидит, как подряхлел отец. Он никак не мог смириться с тем состоянием, в котором тот теперь находился. Через несколько лет после того, как Пол поступил

на службу в ООН, отец впал в странную депрессию. Постоянный прием лекарств все больше погружал его в состояние прострации, симптомами своими напоминающее болезнь Альцгеймера. И теперь этот человек, эрудированный, знающий шесть языков, чьи юридические рассуждения потрясали своей точностью и тонкостью, казалось, потерял всякий интерес ко всему, что происходит вокруг. И Пол огорчался всякий раз, когда приезжал в бастид.

Под портиком дома появилась Мариза Оллесон. Вероятно, она уже давно ожидала Пола и теперь бросилась навстречу и прижалась головой к его груди. Маленькая, она едва доходила ему до плеч.

– Дорогой мой, как же я рада видеть тебя! Ты так редко бываешь у нас, – и тут же поспешила добавить, – да нет же, я тебя не упрекаю, знаю, что ты занят, у тебя своя жизнь. Но мне так тебя не хватает. И ты так далеко.

– Знаю, мам, но ты не беспокойся, у меня все нормально, да, давно тут не был, рад, что вырвался. А ты все такая же красавица, даже помолодела.

Мариза рассмеялась. Действительно, она была еще хороша собой. Жизненные испытания, конечно, оставили свой след на ее лице, уголки губ поникли, но она все еще хранила характерную для южанок яркую красоту, которая словно созревает в солнечном краю.

– Но я для этого ничего специально не делаю. Наверно, это от спокойной жизни, ты ведь знаешь, я никуда не хожу,

лишь иногда за покупками или отвезти Пэра к врачу.

– Как он? – резко спросил Пол, прекрасно зная, что его мать представит ему собственную версию того, что происходит с отцом на самом деле.

– Да очень даже хорошо, он в отличной форме. Ты ведь видел парк, как всегда ухоженный. Так это он все тут делает, его остановить невозможно. Ты ведь знаешь его, ему ничего нельзя сказать, он делает все, что в голову взбредет. Обрезает кусты, копает целыми днями. Вот взялся разводить розы, я не устаю повторять ему, что для здешнего климата не подойдет. Я бы предпочла гибискусы или бугенвиллии. Но он сажает розовые кусты. И постоянно поливает их. Но это бесполезно, через час почва уже сухая.

Мариза остановиться не могла, а Пол смотрел на нее и слушал, как она ласково жалуется на неразумное и капризное поведение его отца. В глубине души он понимал, что так она выпускала пар, ибо с тех пор, как Пэр занемог, на ее плечи тяжким грузом легли постоянные и беззаветные хлопоты по уходу за ним. Она сумела выйти из привычной роли обожаемой и лелеемой женщины, чтобы взять ситуацию в свои руки, и сделала это мужественно, с любовью и пониманием.

Мариза была на двадцать лет моложе Пэра, которого встретила, когда работала переводчицей в ООН. Она была покорена прямоотой этого человека, абсолютно преданного юриспруденции. Португалка из простой семьи, Мариза так и не избавилась от некоторых классовых комплексов, но при

этом создала культ своего мужа, которым восхищалась и которого так любила. Пэр сразу же безумно влюбился в юную брюнетку. Со стороны ее можно было принять за самоуверенную и заводную девчонку, но на самом деле Мариза была скромна и добродушна, и именно это заметил и оценил в ней Пэр. Скоро он сделал ей предложение, и, несмотря на большую разницу в возрасте, Мариза согласилась и следовала за ним во всех его командировках и передвижениях по службе. Когда родился Пол, она бросила работу, прежде всего из-за того, что у ребенка обнаружили врожденный порок сердца, и он требовал особого ухода. Беспокоясь о здоровье сына, она постоянно его нежила и баловала. Но такая неустанная забота о единственном ребенке подорвала ее нервную систему, и Пэр стал оберегать ее, избавляя от всех других забот и выполняя все ее капризы. Теперь же пришла ее очередь оберегать Пэра, оградив его от всех треволнений в мире.

Пройдя через залу, стены которой были покрыты охристой известью, Пол и его мать вышли с противоположной стороны дома на террасу, вдоль которой росли кусты роз. Вопреки предсказаниям Маризы, розы процветали, раскрыв оранжевую гризайль лепестков и распространяя тонкий дурманящий аромат. Пэр был одет как настоящий садовник: соломенная шляпа, белая рубашка и длинный фартук. С секатором в руке, он бережно срезал и складывал в свою корзину увядшие цветы. Пол был потрясен, насколько Пэр все больше сгибался под тяжестью лет и грузом болезни. Он похудел

и выглядел настоящим стариком. Мариза бранила его, как ребенка.

– Почему ты на солнцепеке? Жара такая. Давай, Пэр, пойдем в дом. Брось свои цветы и посмотри – кто к нам приехал.

Пэр медленно повернулся, увидел сына, но никак не отреагировал. У Пола сжалось сердце.

– Это же Пол, я говорила тебе, что он приедет сегодня. Утром говорила, забыл? Иди, Пэр, иди и обними его.

Пол шагнул вперед и протянул к нему руки. Старик распрямился и с нежностью обнял сына.

– Ха, конечно Пол, я без очков и не узнал тебя. Я никогда их не ношу на солнце.

– Пап, как поживаешь? Рад тебя видеть.

– Мариза, а где мои очки? Найди мои очки, пожалуйста.

Мариза покачала головой и бросилась в дом.

– Пол, ты видел мои розы? Это я так, чтобы она нас в покое оставила. Она не любит, когда я говорю про свои розы. Я их выписал из Гетеборга. Ты помнишь, как мы ходили в розарий? Я водил тебя туда, когда ты был маленький.

– Прекрасные розы. И аромат чудесный. Это старинный сорт. А как у мамы дела?

Пэр не ответил и принялся обрывать увядшие головки роз.

– А как твоя жена? Ведь ты женат, не так ли? Подожди, как ее зовут? Мы ее видели всего один раз. Ты не взял ее с собой?

Не дожидаясь ответа, Пэр привлек внимание сына к бутону, который вот-вот должен был распуститься.

– Посмотри-ка на это, ведь настоящее чудо. Двойной ряд лепестков спиралью, один мандаринного цвета, другой цвета фуксии. Шедевр! Мариза, иди сюда, дорогая, это для тебя, – и снова обращаясь к Полу, – так значит, у тебя все хорошо? Рад за тебя. Мариза!

Небольшое здание в глубине парка к женильбе Пола было превращено в гостевой домик. Для его обустройства мать пригласила современного дизайнера, который оформил его в тонкой гамме оттенков серого, от пола до потолка, включая широкую постель, обтянутую тяжелой льняной тканью, что так контрастировало со старинной провансальской обстановкой, оживляя ее. В этом Пол узнал тонкий вкус Маризы, желавшей создать для супруги Пола, которую надеялась видеть здесь часто, обстановку одновременно и роскошную, и практичную. Она велела даже переделать всю ванную комнату, которая могла бы теперь сделать честь любому, даже самому современному, спа-салону. Пол аж немного растерялся, когда увидел такие изменения в доме. В детстве для него это был заколдованный дом, где царил настоящий хаос, громоздились друг на друга вещи, которые отец Пола привозил из своих частых командировок. Тут, в этом нагромождении африканских статуэток и бирманских сундучков, маленький Пол устроил убежище, чтобы прятаться от печалей, одолевающих больного, а, возможно и обреченного

на смерть ребенка. С той поры летний домик утратил свою таинственность, но некоторые уцелевшие вещи напоминали ему те грустные дни и те несколько прекрасных ночей, что они провели тут с Элизабет, когда он впервые привез ее в родительский дом.

Пол бросился на постель и уставился взглядом в безупречно чистый потолок, где жужжала пчела, кружившая в луче света, пробившегося через щель между ставнями. Поистине, это место словно было создано для того, чтобы тут Пол мог обдумать все, что с ним происходит. Как и эта маленькая мушка, он чувствовал, что заблудился и попал в западню, из которой теперь приходится искать выход, чтобы положить конец бесконечному бегу по кругу, в который он невольно вовлек Элизабет.

А не было ли в его наборе ценностей таких, как смелость и честность? Мог ли он и дальше жить во лжи? Роберто был прав, говоря, что не стоит долго думать над тем, что делать дальше. Пол резко встал и направился в ванную комнату. Он быстро разделся и не удержался, чтобы не посмотреть на себя в зеркало. Он выглядел вполне спортивно, и ничто не выдавало в нем то, что когда-то он был болезненным слабым ребенком. Он принял душ и тщательно выбрился. И тут зазвонил мобильник.

– Ты готов? – спросил Роберто.

– Ты сразу же к делу. Форма одежды?

– Боевая, как всегда. У тебя есть или мне помочь?

– Смокинг есть, где-то в шкафу. Со свадьбы остался.

– Вот видишь, хоть какая-то польза от брака.

– В котором часу, мой генерал?

– Как только сможешь, подъезжай ко мне, проведем в полевых условиях командно-штабное совещание, сегодня вечером будет крупная дичь. Ты знаешь отель «Кап-Ферра»? Звякни, как только приедешь. Я внес тебя в список приглашенных, но не хочу разминуться с тобой. Там куча народу будет.

В конечном счете, жизнь была не такой уж сложной, если не барахтаться в ее потоке. Достаточно плыть по течению, беречь силы, чтобы не сбиться с пути, и попадешь куда стремился. Пол закончил свой туалет и отправился в бастид предупредить родителей, что на ночь уедет. Они не обиделись, потому что всегда одобряли все, что делал их сын. Перед уходом Пол нежно обнял мать.

3

На мысу Ферра была самая высокая концентрация роскошных вилл на квадратный метр на всем Лазурном берегу. Выбрав гранд-отель на мысу Ферра, Роберто д'Онофριο не очень-то заморачивался, ведь большая часть приглашенных жила всего в нескольких шагах от отеля. Гости из Монако или Италии прибывали морем, причаливая к пристани Кап-Ферра, откуда катерами их доставляли к отелю, расположенному на южной оконечности полуострова. В тот вечер сады вокруг отеля были украшены разноцветными шелковыми лентами, причудливо обвивающими ветви деревьев и колонны балюстрады. От морского бриза ленты колыхались, а их яркую расцветку подсвечивали, вырывая из ночной мглы, гирлянды маленьких стеклянных фонариков. Зрелище было более завораживающим, нежели то, что представляет собой вид молитвенных флагов, которые тибетцы выставляют трепетать на ветру, чтобы передать свои молитвы богам. Как только Пол очутился здесь, он почувствовал себя вне времени. Репутация этого старого отеля, построенного в 1900 году на высоких скалах, нависающих над гладью Средиземного моря, была бесспорной. Инкрустированный в пейзаж, который часто называли раем земным, гранд-отель на мысу Ферра предоставлял все условия для пребывания тут представителей мировой элиты, предлагая им комфорт и самые

современные услуги гостиничного искусства, сохраняя при этом традиционный неподражаемый шарм фешенебельных отелей Лазурного берега. Элизабет была бы счастлива сопровождать Пола в тот вечер. Но для того, чтобы сделать намеченное, он должен был быть один.

Увидев Пола, Роберто стремительно бросился к нему. Он радостно хлопнул его по плечу и повлек к балкону, нависавшему над освещенным садом. Роберто был родом из южной Италии с типичной для тех мест внешностью. Со своей коренастой фигурой и крупными грубоватыми чертами лица он вполне мог привлечь профессиональный интерес Кополлы или Скорсезе. При этом благодаря своим безупречным манерам и остроумию он обладал редким аристократическим обаянием. Ну, а в том, что касается успеха у женщин, он никак не мог соперничать со своим другом Полом с его броской красотой. Такой тандем делал из них неподражаемую и непобедимую пару в сражении, которое они собирались дать в тот вечер. Роберто тихонько указал ему на даму в толпе.

– Маризоль де Ланта, вон та, рыжая, в зеленом. Экс-мисс Акапулько, с панели на подиум, двадцать лет назад подцепила богатенького папика, меньше чем через год похоронила его, и так ей досталась крупнейшая в Латинской Америке пивная империя, где перед ней все стоят на задних лапках. Но она умная женщина, несмотря на свое легкомысленное прошлое. Я раза три встречался с ней на благотворительных мероприятиях, но мне ни разу не удалось вытянуть из нее

хоть что-то. Она невероятно эгоистична и достаточно хитра, чтобы всякий раз элегантно выскользнуть у меня из рук. Если сумеешь ее пригладить, то тогда я, возможно, сумею ее подковать.

– Ставишь сети на крупную рыбу, а не переоцениваешь ли ты мои способности?

– Ты в великолепной форме, просто неотразим. Если бы я не был смертельно влюблен в свою секретаршу, думаю, и сам мог бы поддаться, ты один этого не замечаешь.

Роберто снова удалось рассмешить Пола, и он направился к группе людей, окруживших Маризоль де Ланта. Проходя по освещенной лужайке, Пол обратил внимание на то, что на ней были расставлены застекленные клетки. За стеклом витрин, выставленных прямо на газон, были представлены ювелирные изделия, сверкавшие в причудливом растительном декоре из коры деревьев и редких орхидей. Диковинные насекомые ползали по листьям и веткам, усыпанным ядовитыми плодами, изготовленными из драгоценных металлов и камней. Вот зеленая змея обвила браслет, украшенный рубинами и жемчужинами, застыв в ярком их обрамлении. Несколько гостей молча стояли у витрин, потрясенные этим необычным и завораживающим зрелищем. Пол не стал терять время на рассматривание витрины, а отправился исполнять роль наживки, устроившись так, чтобы попасть в поле зрения Маризоль де Ланта. Он никогда не начинал игру первым, такова была его обычная тактика.

Маризоль де Ланта сразу же выделила его из всех гостей. Она стала смеяться тише, прищурила глаза, как кошка в за-саде, рассматривала его с головы до ног, как бы приценива-ясь. Она прервала разговоры и стала передвигаться в его сто-рону.

– Только не говорите, что хотите приобрести одно из этих украшений. Вы не из тех, кто любит делать подарки женщи-нам, – бросила она вызывающим тоном.

– О каких украшениях вы говорите? Я даже не знаю, что это за вечер. Просто пришел сюда встретиться с другом, ко-торого давно не видел.

Маризоль де Ланта все еще была хороша собой, хотя все эти ухищрения по омоложению превратили ее лицо в застыв-шую и стереотипную маску, характерную для тех, кто зло-употребляет пластической хирургией.

– Это благотворительная распродажа в пользу какой-то там организации, которая наверняка собирается потратить выручку на содержание своего административного аппарата. Терпеть не могу такие мероприятия.

– Тогда зачем пришли? Вы не очень похожи на любитель-ницу подкормиться на халяву в буфете.

Маризоль расхохоталась.

– Это верно. Думаю, у меня есть все, что мне надо, – ска-зала она, показывая руки, увитые браслетами, с огромными сверкающими кольцами на пальцах.

У Пола дыханье перехватило от такого самодовольства, но

он сдержался, чтобы не дразнить тигрицу.

– Думаю, что вы не нуждаетесь во всяких подобных железяках, чтобы подать себя. Уверен, что в простеньком браслете из пальмовой соломки вы были бы еще прелестней, – произнес Пол с милой обезоруживающей улыбкой.

И снова он не притворялся, он чувствовал, что неотразим и вызывает у своей собеседницы необоримое желание приласкать его и хоть на минуту прекратить борьбу. Маризоль не ожидала такого незатейливого комплимента и смогла только пробормотать:

– Право, не знаю...

Пол воспользовался ее растерянностью и продолжил наступление:

– Знаете как надо участвовать в благотворительной распродаже? Скажите себе: мне не нужны украшения, но можно просто сделать пожертвование.

Роберто, из буфета наблюдавший за Полом и его добычей, подошел к ним и притворился удивленным:

– Пол! Ты тут и не замечаешь меня? Ну да, вижу, что тебя уже захватили. Маризоль де Ланта, как всегда ослепительная. Так это вправду вы или ваша дочь?

Маризоль заверещала. Такой способ заигрывания был ей ближе, нежели простодушные заявления Пола, лишавшие ее дара речи.

– Роберто болтает, как обычно. Прекратите, от вас оглохнуть можно, – парировала Маризоль.

– Так нет же, вы нас просто околдовали. Осторожно, Пол!
И снова, обращаясь к миллиардерше:

– Вы ведь не собираетесь закусить им, как делаете это с вашими молодыми мексиканцами за завтраком? Берегись ее, Пол, это самая страшная соблазнительница Латинской Америки, но ты и доллара из нее не вытянешь. Сегодня вечером она подпишет мне огромный чек, после чего у нее уже ничего не останется, она ведь не настолько богата, как пытается всем внушить.

Пол сделал вид, что вступается за миллиардершу:

– Роберто! Зря ты так. Думаю, средиземноморский воздух вскружил тебе голову. Маризоль не интересуется благотворительностью. Лучше я сам выпишу тебе чек сейчас же.

Перестаньте, Пол, – возразила Маризоль. – Вы слишком любезны. Мы с Роберто давно и хорошо знаем друг друга, и, конечно, я сделаю пожертвование, а теперь, если не возражаете, пойдемте, и вы поможете мне выбрать украшение для аукциона.

– Вы уверены, Маризоль, что действительно желаете это сделать? Не станете же вы говорить, что на этот раз мне удалось заставить вас раскошелиться, – продолжал дразнить ее Роберто.

Маризоль уже доставала из своей сумочки чековую книжку и авторучку, инкрустированную бриллиантами. Ее забавляли приемы Роберто, она подняла голову и укоризненно покачала головой из стороны в сторону, как перед балованным

ребенком, которого жалко ругать.

– Нет проблем, – продолжил Роберто. – Беру! Согласен на любую цифру с шестью нулями.

– Это я и собиралась сделать, так что не беспокойтесь, господин д’Онофрио. Зато теперь вы не будете называть меня скупердяйкой.

– Вас, скупердяйкой! – возмутился Роберто. – Да пусть только кто-нибудь осмелится так наговаривать на вас!

Он спрятал чек, предварительно попросив обозначить на нем название ассоциации, для которой он собирал средства. Он поблагодарил Маризоль очень искренне, без всякой иронии, что за ним редко замечалось. Пол обещал подойти к нему после того, как они с Маризоль обойдут витрины. Там, за стеклом, изделия ювелирного производства складывались в невероятные причудливые узоры, колдовским вдохновением превращая драгоценные металлы и камни в невероятные фантазии, какие могли бы украсить как руки девчушки из латиноамериканских трущоб, так и щиколотки малолетки из Сан-Тропе. По мере того как Пол и Маризоль рассматривали витрину, их разговор замирал, настолько они были потрясены необычностью этих изящных и невероятно оригинальных изделий. Пол никогда особенно не интересовался ювелиркой, но эти драгоценности необычайно взволновали его. Они напомнили ему необычные коллажи, которые любила когда-то давно составлять одна девушка из дорогих ожерелий своей матери, она их разбирала и смешивала с семена-

ми или перьями. Маризоль тоже хранила молчание, видя, как внимательно Пол рассматривает драгоценные украшения. Погруженный в свои мысли, Пол не заметил, что привлек внимание еще одной женщины, которая издали с любопытством рассматривала его. Лорен Александер, ювелирный дизайнер, человек хладнокровный, сдержанность и строгий стиль которой столь контрастировали с ее произведениями. Через некоторое время молодая женщина замерла, ее мраморное лицо на мгновение застыло. Она что-то шепнула на ухо уважаемому немалому мужчине, которого держала под руку, и быстро удалилась.

– Должна признать, что в них есть что-то необыкновенное, – вымолвила, наконец, Маризоль, решив прервать молчание, повисшее в воздухе.

Пол тут же вышел из оцепенения и продолжил беседу.

– Мне кажется, что я увидел то, что вам прекрасно подойдет. Посмотрите и скажите, нравится ли вам это, – сказал Пол, увлекая миллиардершу к одной из ближайших витрин, и указал на кулон. Это был продолговатый неограниченный изумруд, почти правильный шестиугольник, утопленный в золотой оправе и окруженный венком сверкающих бриллиантов. Кулон был подвешен на простую черную кожаную нить. И это было дерзко и эффектно.

– Изумрудно-зеленый, как отблеск ваших глаз, и ничего большего.

Пол не лукавил, это украшение выглядело бы действи-

тельно чудесно на груди Маризоль.

– Благодарю вас за такой выбор. Я польщена. Думаю, что я буду биться, чтобы он достался мне. Пойдемте скорей на аукцион, а то начало пропустим.

Пол поклонился Маризоль и отправился к Роберто, который делал ему знаки от эстрады, где приглашенный по такому случаю оценщик готовился к торгам, напоминая участникам и зрителям цели благотворительного аукциона, а именно то, что все вырученные средства пойдут в пользу ассоциации, которая борется с голодом в Азии. Рядом с Роберто стояла Лорен Александер, которая передавала аукционисту подробное описание и ярлыки на каждое украшение. Молодая дизайнерша была женщиной лет тридцати, облик которой сразу же производил необычайное впечатление – она обладала грацией античной статуи и была задрапирована длинным шелковым платьем розовато-бежевого оттенка, столь оттенявшего загар на ее лице. Длинные черные волосы были зачесаны назад и собраны в пучок, как у балерин. Ее единственным украшением был золотой ободок, в который была вправлена черная, с фиолетовыми отблесками, жемчужина. Подходя к эстраде, Пол замедлил шаг, настолько он был потрясен. Лорен Александер казалась двойником Карлы, девушки, в которую он был безумно влюблен в юности. Разум говорил ему, что этого не может быть, ведь Карла и ее родители погибли двадцать лет назад в море при взрыве катера, на котором плыли. Но сходство было невероятным. У Пола

сильно забилося сердце, но он взял себя в руки и подошел к Роберто, который встретил его с широкой улыбкой на губах.

– Полная победа по всей линии фронта, цель поражена. Вольно, рядовой, свободны до конца вечеринки. Нет, серьезно, браво, должен сказать, что я не до конца верил, что на этот раз получится, – добавил Роберто.

Можешь ли ты меня представить вон той молодой женщине? Кажется, мы знакомы, но не уверен, – попросил Пол на одном дыхании, указывая на Лорен.

Та заканчивала разговор с оценщиком и собиралась уходить, Роберто перехватил ее.

– Лорен, позвольте мне представить вам моего друга Пола Оллесона, мы вместе работаем в ООН, и он сильно помог мне сегодня.

Было видно, как девушка напряглась, повернувшись в сторону Пола. Это движение было настолько заметно, что не ускользнуло от внимания обоих друзей. Роберто бросил вопросительный взгляд на Пола, а тот взволнованно бормотал дежурный комплимент, осторожно пожимая руку Лорен.

– Польщен знакомством с автором этих произведений...

Лорен резко отдернула руку.

– Не сомневаюсь, что у вас найдется подруга, которой вы сможете подарить что-нибудь из этого. А теперь извините, – она быстро удалилась, не сказав больше ничего, и растворилась в толпе.

Сухость тона, на грани невежливости, и быстрота, с кото-

рой она прекратила разговор, обескуражили Роберто и Пола. Роберто первым нарушил молчание.

– Никогда не видел Лорен такой нелюбезной. Вообще-то она всегда не очень уж приветлива, но сегодня просто ледяная какая-то, полярный медведь замерз бы. Ты на нее какое-то странное впечатление произвел. Ты, кажется, говорил, что когда-то был с ней знаком? Что, прошлая победа, покинул-бросил?

– Да нет. Ты прекрасно знаешь, что я не из тех, кто усыпает свой путь плачущими женщинами.

Ну, это ты так думаешь. Посмотрел бы ты, какие взгляды бросает на тебя Маризоль, ты просто не понимаешь, сколько сердец разбил. Тебе надо бы быть рядом с ней во время аукциона. И прекрати высматривать Лорен Александер. Это у тебя теперь плачущий вид.

Пол взял себя в руки и направился к Маризоль, ожидавшей его с фужером шампанского в руках.

– Вы меня поддержите? – спросила она, поднимая кубок.

– Нет, спасибо, я не принимаю спиртного. Выпью что-нибудь прохладительного, но позже. Аукцион начинается.

Пока шли первые лоты, Пол снова погрузился в свои мысли. Он пытался сравнить лицо Лорен с чертами лица Карлы, но воспоминания о них со временем стерлись в памяти. Он понимал, что невозможно, чтобы между нынешней женщиной и его давнишней юношеской любовью была какая-то связь, к тому же легкий английский акцент Лорен не имел

ничего общего с певучими интонациями бразильянки, тем не менее он не мог не признать, что сквозь черты лица Лорен проступал облик Карлы.

В 1995 году, когда Полу было пятнадцать лет, Оллесоны жили в Нью-Йорке, но не упускали случая провести рождественские каникулы в Куршавеле. Если теперь Пол был в прекрасной физической форме, чего он добился позже, уже в юности, то в те времена у него были серьезные проблемы с сердцем, что не позволяло ему заниматься активными видами спорта. Поэтому во время пребывания в горах он проводил время с отцом и матерью в прогулках на снегоступах. И вот однажды во время одного из таких походов на высоте 1850 метров Пол и его мать стали свидетелями того, как из кабины подъемника кто-то выпал. Это была Карла, она выпала и попала прямо в жизнь Пола. Он и его мать первыми приспели на место несчастного случая. Вероятно, у Карлы был вывих и она не могла без помощи возвратиться на базу. Пока Мариза бегала за спасателями, Пол оставался с Карлой и пытался успокоить ее, отвлечь внимание от неприятности. Но вышло так, что сама Карла Кастроневес, общительная и неотразимая, полностью завладела вниманием тихого и благообразного Пола, и он мгновенно влюбился впервые в жизни. После происшествия обе семьи, жившие в соседних гостиницах, познакомились и стали общаться. Вскоре Пол с радостью узнал, что семья Карлы собиралась покинуть Бразилию и переехать в квартиру на Манхэттене, в доме, распо-

ложенном в нескольких кварталах от дома, где жили Олле-соны. После травмы Карла уже больше не могла кататься на лыжах, и Пол весь остаток каникул не отходил от нее, пыта-ясь приободрить и развлечь. Свое постоянное присутствие он оправдывал тем, что у него куча свободного времени, так как он выздоравливает после пневмонии и ему пока нель-зя становиться на лыжи. На самом же деле после их первой встречи он минуты не мог прожить без нее. Мальчик, до то-го спокойно обходившийся без каких-либо привязанностей, даже без друзей, был полностью захвачен первой любовью. Жизнь словно отыгралась за его отшельничество, выманив из герметичной капсулы, накрыла волной чистой страсти к девушке, которая не отвергала его чувства и не боялась бро-ситься в бурлящий поток жизни. Карла была глубоко трону-та чувствами этого необычного мальчика, зрелого и наивно-го одновременно, в котором она открыла глубокую и цель-ную натуру.

Когда они встретились в Нью-Йорке, Пол решил показать город юной бразильянке, но Карла сама стала водить его по интересным местам Манхэттена, куда юноша, знавший толь-ко традиционные кварталы города, никогда бы не рискнул пойти. Время от времени Пол пропадал на несколько дней, потому что у него по-прежнему были проблемы со здоро-вьем, но как только было возможно, он тут же спешил к той, с кем делил свои первые поцелуи, занятия или подготовку к экзаменам.

Теперь-то Пол сознавал, какое огромное влияние она на него оказывала в те времена. Рядом с ней во время их долгих походов по непривычным для него местам Нью-Йорка, он, болезненный и домашний мальчик, знакомился с настоящей жизнью. Карла делилась с ним своими юношескими «романтическими, революционными» идеями, своей любовью к ангажированным американским певцам, обращала его внимание на нищету, которая царила повсюду, вплоть до стен зажиточных кварталов Верхнего Ист-Сайда. Карла открыла перед Полом целый мир. Рядом с ней он чувствовал себя на своем месте, и их отношения становились все серьезнее. Карле нравилось, что Полу интересно все, во что она его посвящала, и она ценила его доброжелательность, о чем не раз ему говорила.

Подошла Маризоль и тронула Пола за рукав. На продажу выставили изумрудный кулон. Мексиканская миллиардерша тут же стала поднимать цену. Ее участие, по-видимому, удивило некоторых богатых гостей, и они вошли в азарт, соревнуясь в желании похитить у красотки Маризоль вожаделенный ею объект, в то время как другие обижались на нее за то, что в ее свите появился такой красавец-мужчина. Цена быстро поднималась, что вызвало даже некоторое волнение у тех приглашенных, кто был привычен к крупным суммам денег. Из толпы вышла Лорен посмотреть, кто вызвал такое возбуждение в публике. Пол заметил ее тут же и пристально посмотрел на нее. Лорен тотчас же скрылась. От него не

ускользнул этот маленький маневр, но позже он заметил, как она скрыто продолжает следить за ним взглядом, спрятавшись за шелковыми с тесьмой шторами. От Пола не ускользнуло то, что она весь вечер избегает его, и хотя она как магнитом притягивала его, он не посмел снова приблизиться к ней, тем более что ему приходилось и дальше любезничать с дамами, правда, чаще самому выбирая себе объекты ухода, нежели бегая за ними. Женщина, о которой он думал, была слишком холодна, или просто в ней хорошо был развит самоконтроль. Но в ней не было той радостной непосредственности, какая была в Карле. Пол обманулся профилем, жестом, столь похожими на те, что жили в его памяти, но потускнели с годами и затерлись разочарованиями в его неудачном браке.

В результате аукциона, длившегося дольше обычного, Маризоль удалось заполучить желанное украшение. Громкие аплодисменты приветствовали ее покупку и цену за нее, а Маризоль ответила гостям и участникам торгов грациозным жестом руки и лучезарной улыбкой. Она была на седьмом небе. Пол отвлекся от своих мыслей и воспользовался случаем, чтобы прокомментировать.

– Вижу, что все оценили ваш поступок. Вы были щедры, Маризоль. Именно такие люди, как вы, способствуют тому, чтобы мир стал лучше.

– И все это благодаря вам, – заметила она, обернувшись к Полу. – Это украшение будет напоминанием о нашей встре-

че. Я рада, что потратилась, и надеюсь, что деньги пойдут на пользу.

Роберто прервал их обмен любезностями.

– Маризоль, вы поистине королева сегодняшнего вечера. Позвольте объявить о вашем даре. Не скрою, мне хотелось бы простимулировать и другие пожертвования.

– Ну и хитрец же вы, Роберто. Если бы я не знала о том, как вы преданы ООН, я бы назначила вас главой какого-нибудь своего предприятия.

– Вы знаете, что я думаю о промышленных предприятиях. Не думаю, что вам понравилось бы моя работа там. Так что вы решили про анонс, Маризоль?

– Да делайте, как считаете нужным. Только не переборщите с комплиментами, терпеть не могу льстецов.

Роберто смачно поцеловал руку Маризоль, что ее удивило и насмешило.

– Спасибо. *Беллиссима*, – бросил он, уходя.

– Знаете, – сказала она Полу, – мне кажется, что за сегодняшний вечер с вами я помолодела лет на двадцать. Вы, люди из ООН, совершенно непредсказуемые.

– Мы искушенные дипломаты, при этом в некоторой степени у нас есть свобода слова и действия. Именно это кажется вам непривычным. Надеюсь, вы на это не сердитесь.

– По правде сказать, обожаю искренность, она так... освежает. Будем же откровенны и искренни, если будете свободны во время вашего пребывания на Лазурном берегу и смо-

жете быть моим кавалером на вечер, я буду очень рада.

– Предпочитаю ничего вам не обещать. Я сейчас в довольно мучительном периоде жизни, и мне не хотелось бы брать на себя никаких обязательств.

– Я все-таки дам вам свои координаты, возможно, вам это будет полезно или... приятно.

Пол простился с Маризоль, которая, будучи деловой женщиной, прекрасно понимала, что вряд ли они встретятся еще, но не стала обижаться. Она была покорена Полом, доброжелательность и теплота которого пробудила в ней почти материнские чувства. Пол поднялся на террасу над садом, превращенным в экзотический Эдем, чтобы попробовать отыскать Лорен, но, вероятно, она уже покинула прием. Он издали жестами показал Роберто, что уходит и позвонит ему позже.

Вернувшись в свое убежище в бастиде, Пол надеялся на то, что сможет избавиться от воспоминаний, нахлынувших на него во время вечеринки, но с тех пор, как он покинул «Кап-Ферра», он не переставал перебирать в памяти те взгляды, те слова, которыми они обменивались с Лорен. Было напрасно отрицать сходство лица художницы с обликом Карлы, несмотря на разницу в возрасте между обеими женщинами (хотя кто знает, как годы могли бы изменить и овал, и черты лица его тогдашней возлюбленной), и такая схожесть напомнила ему об их внезапно прервавшихся отношениях, причинив острую боль. Вот уже двадцать лет он не переставал думать о ней, не постоянно, как в первые месяцы после трагедии, но особенно в те моменты, когда ему необходим был совет или когда он встречался с чем-то, что, он знал, могло бы вызвать у нее улыбку. Со временем воспоминания принимали горько-сладкий привкус, боль стихала, по крайней мере, он так думал. Однако чувства, которые нахлынули на него прошлым вечером, убеждали его в обратном. Ничто не забылось, ничто не изменилось, просто затаилось в темных закоулках его памяти, а Лорен распахнула в них дверь, пустив туда свет и ледяной ветер, который задул с такой силой, что грозил сбить его с ног. Каждая подробность той давней драмы, разлучившей их, снова возникала в его сознании,

причиняя нестерпимую боль.

После нескольких лет безоблачной идиллии Карла отправилась из Нью-Йорка сопровождать родителей в их краткой деловой поездке в Бразилию. Возможно, из-за разлуки с подругой, несмотря на письма, которыми они обменивались, здоровье Пола резко ухудшилось, и его срочно отправили в Европу, где ему должны были сделать операцию на сердце. Они написали друг другу еще несколько писем, затем Карла резко перестала отвечать. Для юноши, который только что перенес сложную операцию, подобное молчание было невыносимым. Будучи в клинике, он нуждался в поддержке и чувствовал себя одиноким и покинутым, не получая известий от подруги. Из-за волнений выздоровление шло медленно, что беспокоило и родителей, и лечащего врача. Так и не выздоровев окончательно, он возвратился в Нью-Йорк. Вестей от Карлы по-прежнему не было, и постоперационный шок, усугубившийся любовными муками и разочарованием, грозил перерасти в депрессию. С момента возвращения в Нью-Йорк Пол постоянно пытался связаться с Карлой, но на телефонные звонки в ее квартире никто не отвечал. Тогда Пол сам пошел к ней домой в надежде получить хоть какие-то сведения. От консьержа, которого хорошо знал и часто встречал, когда провожал девушку после их прогулок по Манхэттену, он узнал, что квартира Кастроневесов опечатана. Карла и ее родители погибли в Бразилии на своем моторном катере, где взорвалась канистра с мазутом. Привратник добавил, что в

квартиру Кастроневесов неоднократно приходила полиция, чтобы произвести обыск, но Пол, потрясенный страшным известием, не обратил внимание на такую деталь. Последующие годы юноша прожил в оцепенении чувств и почти полном одиночестве. А вот здоровье его, напротив, стало поправляться, он стал большим любителем джоггинга, бегом довольно высокого уровня, словно стремился убежать, где бы ни находился, от призраков прошлого. Жизнь словно давала ему шанс продолжать нормальное существование, а это, в свою очередь, породило в нем желание давать что-то другим, быть полезным. В то же время он испытывал глубокое одиночество, бездонную пустоту, которая, как в детстве, толкала его на то, чтобы замкнуться в себе, не создавать привязанностей. И никто больше не смог взволновать его сердце. Но после того как он блестяще закончил юридический факультет, его сердце взволновало гуманитарное призвание, позвавшее идти по стопам родителей, что и привело его в ООН, в отделение по правам человека, а точнее, в делегацию, занимающуюся страшной проблемой торговли людьми. С тех пор в поездках от Индии до Латинской Америки время от времени у него возникало чувство, что он и вправду делает что-то полезное. Иногда ему приходила в голову мысль, что делает он это и в память о Карле, открывшей ему глаза на мир, в котором Пол уже не мог чувствовать себя счастливым, если перед его домом чернокожий шестидесятилетний безработный (вот уж парадокс терпящей кризис американ-

ской экономики) был вынужден просить милостыню на пропитание своей семьи, или когда голодный эфиопский земледелец своим изнурительным трудом давал ему возможность попивать дешевый кофе в кафе сети «*Старбакс*». И не только в связи с этим он не мог забыть Карлу. Воспоминания о ней снова вернули его мысли к Лорен Александер. Его все больше волновала эта женщина, независимая и избегающая любых близких контактов с кем-либо. Ему был знаком такой тип поведения, ведь он тоже в университетские годы стремился отстраниться от любых дружеских или любовных связей. Все в Лорен говорило о том, что она всеми силами стремилась отстраниться от той среды, в которой ей приходилось вращаться, подчеркнуть, что имеет с ней мало общего, и в то же время взять ту же манеру одеваться – элегантно, но вместе с тем просто, без бахвальства и показухи, что было свойственно богатым дамам, окружавшим ее. Или та холодность, которую Пол заметил даже раньше, чем она впервые заговорила с ним таким безразличным тоном. Что стоит за всем этим, какие мучения прячет она за глухой стеной отчуждения? Он снова вызвал в памяти образ Лорен, черты ее лица вдруг преобразились, и на долю секунды возникло лицо Карлы, печальное и вопрошающее. В последнее мгновение перед тем, как кануть в глубокий, без сновидений, сон, перед Полом мелькнул образ змея, обвившегося вокруг одного из творений Лорен.

Рано утром Пол отправился в дом к родителям на завтрак.

Он любил эти теплые совместные трапезы, они словно возвращали его во времена летних каникул, когда он отправлялся с отцом в увлекательные познавательные походы по окрестностям. Длинный деревянный стол, покрытый светло-оранжевой скатертью, ломился от яств, радующих глаз и заставляющих слюнки течь. Марица принимала Пола так, как если бы с ним была целая команда рэгбистов, голодных, но понимающих толк в хорошей кухне. Вазы из выдувного стекла, голубого, как на картинах Кляйна, были наполнены винными персиками с бархатистой бордовой кожицей, от которых исходил пьянящий аромат. Бриоши, обсыпанные крупным сахарным песком, еще горячие, были доставлены прямо из деревенской пекарни, оттуда же был привезен круг дрожжевого хлеба, покоящийся теперь на льняном полотенце. В старинные розетки из толстого стекла было выложено домашнее варенье из инжира, ежевики, абрикоса, что говорило о том, чем еще занималась Марица в своем большом провансальском владении. Она встретила Пола широкой улыбкой и нежным поцелуем в щеку. Пол воскликнул:

– Великолепно, просто как на картинах Вламинка!

Марица кудахтала от удовольствия, целуя его.

– Присаживайся, дорогой мой. Посмотри, булочник прислал бриоши, твои любимые. Ты еще помнишь господина Вердье? Он по-прежнему работает, у него пекарня. Давай, положи себе вот это. Пэр варит тебе кофе. Не вставай, сама принесу.

Мариза по-прежнему обращалась с Полом как с ребенком, в ее глазах он не переставал быть обожаемым дитем, с которого она не сводила глаз, кого окружала заботой и любовью. Она как бы не замечала, что он уже вырос, и даже как-то удивлялась, видя перед собой красивого взрослого мужчину. Пол не сердился за это на мать. Он знал, что она счастлива от того, что хотя бы на несколько дней он с ней, и она может заботиться о нем, побаловать его на завтрак своими мармелладами и джемами, приготовленными из плодов и ягод, собранных ее собственными руками с мыслями о том, что угостит своими шедеврами сына, когда тот будет рядом. И вот теперь и сам Пол наслаждался всем этим и был благодарен матери за заботу. Его отец, опершись на стойку, готовил кофе, время от времени он посматривал на жену, боясь, что сделает что-то не так.

– Все так с кофе, Мариза? Можно снимать кофеварку?

– Да нет же, посмотри, пенка еще не поднялось. Подожди, я скажу когда. Не обожгись.

– Доброе утро, папа!

Пол не знал, о чем говорить с отцом. Он боялся, что их несвязный разговор еще больше подчеркнет то помраченное состояния рассудка, в котором пребывал отец, а это может расстроить Маризу. Поэтому он решил ограничиваться краткими банальными фразами.

– Доброе утро, Пол. Как себя чувствуешь?

С самого детства это был привычный вопрос, который

отец задавал ему всякий раз, встречая по утрам. И Пол также всегда привычно отвечал ему:

– Все прекрасно, папа.

Отец удовлетворенно вздохнул и умолк. Даже теперь, когда он находился в глубокой депрессии, вызванной приемом лекарств, и несмотря на провалы в памяти, тем не менее он по укоренившейся в глубинах сознания привычке прежде всего справлялся о здоровье сына. Пол снова стал нахваливать то пиршество, которое устроила Мариза. И делал это от всей души, потому что ему и вправду редко где и когда удавалось вот так беззаботно наслаждаться жизнью, как теперь, в радушном и благодатном Провансе. Мариза болтала весело, как молодая девушка. Она радовалась тому, что Полу понравилось новое оформление летнего павильона, говорила о других своих планах по обустройству дома и парка. Она рассказала о том, какое неизгладимое впечатление недавно произвела на нее художественная выставка, после которой ей пришла в голову мысль в свободное время посещать уроки акварели. В ней вдруг проснулся интерес к искусству вообще, и как только подворачивался случай, она спешила в какой-нибудь музей или галерею. Пол воспользовался предложением, чтобы спросить ее о Лорен Александер. Знает ли она этого ювелирного дизайнера, которого он встретил накануне на вечеринке? Мариза тут же оживилась. Оказалось, что она просто обожает ее необычные произведения и очень рада, что сын познакомился с художницей, которой она восхи-

щалась. Пэр, которого утомило такое оживление, встал из-за стола и покинул залу, ступая мелкими семенящими шажками.

Мариза сдвинула на край стола тарелки с остатками утреннего пиршества, освободив середину, где разложила кипу гламурных журналов о светской жизни, и стала быстро их листать. Она искала опубликованный несколько дней назад материал, где как раз речь шла о Лорен Александер. Она нашла, наконец, глянцевые страницы, на которых был опубликован фоторепортаж, где молодая женщина была представлена на фоне своих последних произведений, а также на различных светских раутах. Всмотревшись в фотографии, Пол отметил для себя, что на каждой из них у Лорен был некий отстраненный от происходящего вокруг вид, репортеру так ни разу не удалось поймать в объектив ее прямой взгляд. Мариза, не заметившая этого раньше, вдруг тоже обратила на это внимание. Ее тонкая интуиция подсказала ей, что сдержанность и неулыбчивость молодой женщины в кругу тщеславных и недалеких людей, не устающих бахвалиться своим богатством, свидетельствовали о том, что либо она тяготится своими вынужденными светскими обязанностями, либо пытается скрыть некие драматические обстоятельства своей жизни. В более свежем журнале был опубликован анонс о презентации новой коллекции Лорен Александер, приуроченной к международной регате *Giraglia Rolex Cup*, гонке парусников, которая должна была состояться че-

рез несколько дней в заливе Сен-Тропе. Мариза очень сожалела, что не сможет пойти на презентацию, хотя и получила приглашение, так как Пэр был не в состоянии сопровождать ее.

– Пригласил нас наш старый друг Маркус Линдстрем. С тех пор как он продал свое дело, он много времени проводит на своей яхте в Средиземном море. Уж он-то ни за что не пропустит регату. Лет десять назад твой отец сопровождал его на торжественное открытие.

– Я бы не отказался сопровождать тебя, если вдруг захочешь пойти, – предложил Пол.

– Правда? Обожаю море и корабли. А ты уверен, что тебе самому хочется? Ты же терпеть не можешь подобные мероприятия.

– Уверяю тебя, для меня будет удовольствием сопровождать тебя туда. А кроме того буду рад снова увидеться с Маркусом Линдстремом.

На самом же деле его неодолимо влекла туда мысль о Лорен, хотя он и не признавался в этом себе. Эту удивительно притягательную женщину окутывал целый клубок тайн и загадок. Он даже не заметил, что теперь жил больше чувствами, нежели разумом. Ведь во Францию он приехал, чтобы спокойно и трезво обдумать, как положить конец его браку с Элизабет, а вот со вчерашнего вечера ни разу даже не вспомнил об этом. Парусная регата, о которой шла речь, должна была состояться через несколько дней, но он не мог терять

времени, сидеть сложа руки, бесконечно слушая концерт циркад. Он позвонил Роберто, который осыпал его комплиментами, восхищаясь тем, как он благотворно повлиял на Маризоль, которая больше не ругает ООН и благотворительность. Пол отвечал ему как-то невнятно, путано.

– Нет, именно так. Ты никого не осуждаешь, и как раз это почувствовала Маризоль. Ты не смотрел на нее, как на кокосовую пальму, с которой нужно что-то стрясти, да тебе и не важно было, стрясешь или нет, и тогда для тебя она сделала это добровольно.

– Да, но и ты своими репликами поспособствовал, когда пытался вывести ее из себя.

– Ну да. Ей действительно не хотелось иметь перед тобой бледный вид, но, честно говоря, я считаю, что она проявила себя как очень корректный человек, что меня удивило. Когда ты ушел, она заверила меня, что я могу рассчитывать на нее и в других операциях по сбору средств и что ее участие сможет привлечь других жертвователей, и говорила она это искренне.

– Ну что ж, браво, благодаря твоей настойчивости тебе удастся исправить самых закоренелых эгоистов.

– Знаешь, я вовсе не надеюсь на то, что она станет гуманисткой в своем бизнесе, хотя кто знает. Кстати, мы так и не успели поговорить вчера. Не могли бы мы встретиться в более спокойной обстановке? Несколько дней буду тут, а потом уж в Мехико.

– Можем увидеться в любое удобное для тебя время.

Пол немного поколебался, а потом решился:

– Ты тоже мне нужен. Я хотел бы приобрести какое-нибудь украшение Лорен в подарок матери, которая ее горячая поклонница.

– Ну уж, скорей ты ее поклонник. Ты что думаешь, я не заметил ваши маленькие маневры вчера вечером? Я бы назвал это игрой в кошки-мышки, где вы постоянно менялись ролями. Ты меня удивил, не помню, чтобы ты посматривал на других женщин кроме Элизабет, даже в командировках.

– Да это совсем не то, что ты думаешь! У меня нет никаких особых видов на эту женщину...

– Да, видов нет, но ты глаз с нее не сводил во время распродажи, – возразил Роберто.

– Да, она меня заинтриговала, но покупка никакого отношения к этому не имеет. Что касается Элизабет, то должен сказать, что мы в тупиковой ситуации.

– Ты хочешь сказать, все так, разговоры одни о вашем браке, но каждый при этом ждет, кто же, наконец, первым нанесет добивающий удар и прикончит его.

И снова Пол невольно улыбнулся тому, как трезво и откровенно, хотя и грубовато по форме, говорил с ним его друг.

– Здорово у тебя получается так быстро делать выводы, – оборонялся Пол.

– Часто со стороны виднее. Ведь видно же, что ты не цве-

тешь и пахнешь рядом с Элизабет, да и она все время на нервах, как старуха сварливая. Не думаю, что ты плохо с ней обращаешься, просто вы друг другу не подходите. Знаешь, я никогда много не ставил на ваш брак. И то, что ты начинаешь интересоваться Лорен Александер, меня не удивляет. Я уж даже стал спрашивать себя, когда же ты, наконец, откроешь глаза и поймешь, какие возможности упускаешь.

– Я не стремлюсь воспользоваться какими-то там возможностями, ты это хорошо знаешь.

– Ладно, завтра я устрою тебе встречу в демонстрационном зале Лорен, предлог – поставить автограф на футляре, чтобы уж точно застать ее на месте. Позвоню тебе, чтобы подтвердить встречу.

Роберто заехал за Полом во второй половине дня. Он договорился о встрече с Лорен прямо через час после утреннего телефонного разговора со своим другом. По дороге, ведущей к Сен-Пол-де-Ванс, Роберто рассказывал о своих планах уйти из ООН и полностью посвятить себя организации мероприятий по сбору средств на гуманитарные проекты, чтобы лучше контролировать использование средств фондов, которые он создаст. Он видел много финансовых злоупотреблений во многих гуманитарных организациях, а были даже такие, что и вообще частично утратили свое первоначальное предназначение либо из-за административной неразберихи, либо из-за нечестности некоторых руководителей. Пол согласился с его анализом, так как сам был вынужден в своих

миссиях, контактируя с различными людьми и организациями, постоянно отсеивать зерна от плевел. Не переставая обсуждать свои рабочие дела и проекты дальнейшей деятельности, Пол и Роберто вскоре прибыли в небольшое селение, улицы и здания которого почти полностью сохранились с XV века, где летом Лорен Александер выставляла свои произведения. Для этого она арендовала сводчатый подвал в каменном доме на одной из улиц, ведущих в гору, к укреплениям эпохи Ренессанса. Ювелирный салон был расположен между двух художественных галерей. В демонстрационном зале царила та же атмосфера джунглей, что и на лужайке гранд-отеля, где были расставлены прошлым вечером застекленные клетки. Прямо в центре находилась витрина, а за ее двойным стеклом можно было видеть картинки из жизни мира тропиков, тут на ветвях деревьев, увитых лианами, словно затаились в яркой зелени листы огромные экзотические насекомые, выполненные из драгоценных камней и металлов. Дэни, молодой охранник салона, по внутреннему телефону вызвал Лорен, и та быстро прибежала в бутик. Как только она заметила рядом с Роберто Пола, вокруг нее, как накануне, будто заискрились электрические разряды, но она быстро сдержала свое крайнее негодование по поводу неожиданной встречи, взяла себя в руки, подошла к Роберто и крепко пожала ему руку.

– Сожалею, что не успела вчера проститься с вами, но у меня началась сильная мигрень, и мне пришлось уйти в са-

мый разгар торгов. Надеюсь, вы не приняли это за невежливость.

– Не беспокойтесь, мне удалось заполнить ваше отсутствие волной благодарности к жертвователям, а нехватку вас избытком их поздравлений друг другу.

Такая шуточная тирада вызвала на напряженном лице Лорен лишь слабую улыбку. Роберто продолжил:

– Мой друг Пол, которого вы видели вчера, желал бы приобрести украшение, чтобы сделать подарок. Ему хотелось бы, чтобы вы оставили на футляре свой автограф.

Лорен и Пол застыли друг перед другом в полном молчании, показавшемся Роберто вечностью. И когда тишина стала угрожающей, он кашлянул, чтобы прервать неловкую ситуацию.

– Так вот, Пол, тебе надо сделать круг и присмотреться. Думаю, тебе не нужна помощь.

Пол вышел из странного оцепенения, которым был охвачен сразу же после прибытия в бутик. Становилось ясным, что каждый раз эта женщина приводила его в смятение.

– Спасибо, как-нибудь сам управлюсь.

Пока Роберто обсуждал с Лорен вчерашние торги, Пол, по-прежнему взволнованный, направился к выставочным витринам. Его внимание сразу же привлекла брошь в виде птичьего пера, что отозвалось эхом воспоминаний об одной сцене, когда они с Карлой гуляли по набережной Манхэттена. Подобрав перо морской птицы, девушка тут же, на ходу,

сочинила хокку, японское трехстишие по случаю. Не отводя глаз от драгоценностей, Пол вслух прочитал слова стиха, составленного Карлой:

– Птицу можно нарисовать без кисти. Выпало перо. Капля падает к моим ногам.

Услышав эти слова, Лорен напряглась. Она резко прервала разговор с Роберто.

– Пойду займусь вашим другом.

Пол вздрогнул, когда Лорен возникла перед ним и резко сказала:

– Украшение – это личный предмет, даже интимный. Подарок предназначен кому-то из ваших близких?

Пол никогда не чувствовал себя таким растерянным в чувствах, мысли его путались. Перед ним только что видением прошла Карла, а лицо женщины, стоявшей здесь теперь, так напоминало ее облик, что он онемел, но быстро пришел в себя, потому что она говорила резко, и ее слова били по нему, словно удары градин.

– Да, очень близкого...

– Тогда вам нужно кольцо, вы знаете размер ее пальца?

– Нет, но в конце концов... я хочу сказать, вот эта брошь, я считаю ее очень красивой... я покупаю ее.

– Как хотите, но вы рискуете не угодить вашей даме, женщины обычно предпочитают кольца.

Пол понял, что возникло недоразумение по поводу дамы, которой он собирался сделать подарок. Он попытался что-

то объяснить, но запнулся. Однако Лорен и не слушала, она искала шкатулку-футляр, чтобы оставить автограф.

– Нет, это не то, что вы подумали. Женщина – это моя...

Лорен сухо оборвала его и передала футляр с украшением охраннику бутика, который все это время пытался развлечь изнывающего от нетерпения Роберто, показывая ему каталоги и проспекты.

– Дэни продолжит заниматься с вами. Мне пора, – и, обращаясь к Роберто, добавила, – сожалею, но мне снова придется уйти по-английски, я очень тороплюсь.

– Ничего страшного, любезно уже то, что вы приняли нас. Уверен, что Пол получил то, что хотел, – добавил он с каплей иронии.

Пол и Роберто молча вернулись к машине. Пол помрачнел в тот самый момент, когда Лорен покинула салон, а теперь выглядел изнуренным и опустошенным. Но Роберто был не из тех, кто видит вещи в трагических тонах.

– Ну что, грандиозный провал, бедняжка Пол. Не думаю, что ты мог сделать что-то большее: как только она вошла и увидела тебя, она тут же выпустила коготки. Наверно, ты ей кого-то напоминаешь. Другого объяснения не вижу, так как ты не в ее вкусе, да и я тоже.

Пол по-прежнему хмурился, но Роберто не отставал от него:

– Давай, улыбнись, Пол. Твое счастье, что она не засунула скорпиона в футляр украшения. Кстати, проверь, прежде

чем дарить матери, уж она-то знает, чего можно ожидать от такого типа женщин.

Пол вздохнул, решив не портить вечер досадой от неудачной вылазки, и пригласил Роберто поужинать в простенькую провансальскую харчевню.

Пол не имел вестей от Элизабет с того самого утреннего телефонного звонка и был рад этому. Сюда, на юг Франции, он сбежал именно для того, чтобы разобраться в себе и в том, что с ними происходит, но сразу же после приезда был вовлечен в такой стремительный круговорот событий, что теперь был в еще большей растерянности. Денно и ночью он постоянно думал то о Карле, то о Лорен. Первая возвращала его к воспоминаниям о том времени, когда они были рядом, вместе познавали мир, вместе делали открытия, делили радости и фантазировали, чего у него никогда не было с Элизабет, а вторая вызывала в нем неосознанные до конца желания, погружала в сладостное томление и трепет. Долгое время до этого он жил, словно во сне, а теперь даже сознание того, что его решительно отвергает желанная женщина, было дороже, нежели то состояние эмоциональной спячки, которым он довольствовался с Элизабет. Теперь он ясно осознавал, что просто ценил ее, как дорожат приятным попутчиком, но никаких горячих, страстных чувств к ней не испытывал.

Опершись на его руку, Мариза бурно восхищалась тем грандиозным зрелищем, которое открылось перед ней в порту Сан-Тропе. Несмотря на то что, живя рядом с Пэром, она общалась с высокопоставленными и известными людьми, у нее из детства, проведенного в бедной португальской семье,

сохранилась наивная способность восторгаться, и теперь она радовалась тому, что происходило тут накануне старта парусных гонок, где, казалось, собралась вся мировая элита. У причалов роскошные круизные яхты соседствовали с серийными парусниками. В это июньское воскресенье все было готово к началу главной парусной регаты *Giraglia*, которая по традиции открывалась разминочной гонкой вдоль побережья с участием двух сотен яхт. Известные представители международного парусного спорта, олимпийские чемпионы, победители и участники регаты *America's Cup*, шкиперы круизных яхт и высококлассные экипажи ежегодно встречались на одном из самых престижных соревнований Средиземноморья и включались в трехдневную борьбу, начиная с прибрежных гонок в бухте Сан-Тропе и заканчивая гонкой в открытом море вдоль лигурийского побережья до Генуи. Несмотря на раннее утро, набережные порта уже были забиты любителями парусного спорта, владельцами яхт и просто зеваками, жаждущими увидеть знаменитостей. Но все же регата больше привлекала сюда настоящих спортсменов, нежели обычных празднующихся, так что зеваки, глазевшие на тех, кто готовился к старту, мало кого узнавали в лицо, хотя многие из этих людей были хорошо известны в мире бизнеса и моды. Экипажи на яхтах у стоянки спешно делали последние приготовления, проверяли крепления на судах, готовящихся покинуть порт. Некоторые парусники уже ожидали на рейде, другие маневрировали ближе к выходу в море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.